

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

М.Г. Лазар

**СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ В РОССИИ:
20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА**

M.G. Lazar

**SOCIOLOGY OF SCIENCE IN RUSSIA:
20–30 YEARS OF XX CENTURY**

Статья раскрывает малоизвестные, но значительные достижения российско-советской социологии науки и науковедения 20–30-х годов XX в. и их влияние на формирование этих новых научных направлений за рубежом. Этот вклад не получил еще должной оценки в России и нуждается в дальнейшем изучении.

Ключевые слова: наука, история науки, социология науки, науковедение, социальный институт науки.

The article considers the little-known but significant achievements of the Russian and Soviet sociology of science and science of science in the 1920–30s and their impact on formation of those new research trends abroad. Their contribution has not been given due regard, and its further study is necessary.

Key words: science, history of science, sociology of science, science of science, social institute of science.

Ряд особенностей развития российской науки после распада СССР, такие как исчезновение заводской науки, сокращение финансирования государством фундаментальной науки и образования, кадровые потери отраслевой науки и резкое сокращение численности ученых всей отечественной науки при их ощутимом устаревании, заставляют задуматься над ее будущим, над осуществляемой властями ее реорганизации и финансировании на западный манер, над проблемами регуляции и саморегуляции науки, в частности, над проблемами идеалов, норм и этоса науки. Но это предполагает знание и опору на опыт прошлого (как своего, так и зарубежного) в организации и самоорганизации науки, знание ее истории. Начавшаяся в 90-е годы реформа российской постсоветской науки сводится пока к переходу на грантовую систему финансовой поддержки при значительном сокращении ее бюджетного финансирования, к сокращению количества научных работников и научных организаций, что еще больше обостряет внутринаучные и внешненаучные социальные и этические проблемы нау-

ки. За последние годы в ряде публикаций нами были затронуты некоторые аспекты развития советской и российской науки, связанные с реорганизацией и финансированием науки через систему грантов, с проблемами подготовки кадров для науки и вхождением российских университетов в Болонский процесс [Лазар, 2002, 2008, 2009].

По этим актуальным проблемам истории и социологии науки существует значительная литература – книги, сборники, статьи. Но учитывая состояние библиотеки РГГМУ и другие обстоятельства, автор пришел к выводу, что для более успешной подготовки магистров и аспирантов по курсу «История и методология науки» и для всех интересующихся наукой целесообразно опубликовать цикл статей, посвященных этим проблемам современного науковедения, объединенных общим названием «Социологические проблемы науки».

В наши дни воспринимается как аксиома мысль о том, что наука является основой и условием всякого технического и технологического прогресса, всей современной цивилизации. Обозначается это как «инновационное развитие», «общество знаний», «информационное общество» и иными терминами, указывающими на решающую роль научных и технических знаний в современной жизни общества. Действительно, изменение места и роли науки в современной культуре и цивилизации привело в XX в. к возникновению **социологии науки**, являющейся составной частью более интегральной науки – **науковедения**. Как форма самопознания науки, как комплексное изучение науки средствами разных наук, науковедение включает: теорию (философию и методологию) науки, социологию науки, психологию и социальную психологию науки, экономику и организацию науки, историю науки, этику науки, политику науки, наукометрию и другие дисциплины, каждая из которых исследует науку с позиций своего специфического подхода.

Социология науки изучает науку как специфический социальный институт по производству, сохранению и трансляции теоретических знаний об окружающем мире. Она рассматривает науку как форму деятельности специализированной группы людей – ученых, между которыми возникают информационные по сути отношения, формы коммуникаций. Их деятельность регулируется специфическими идеалами, нормами, образующими этос науки.

Пик развития социологии науки в СССР приходится на 60–80-е годы XX в., но она активно развивается и сегодня в рамках науковедения, у которого в России – особая история и судьба. В России сегодня существуют специальные подразделения по изучению социологических проблем науки (сектора социологии науки) в Институте социологии и Институте истории естествознания и техники РАН (Москва), в Социологическом институте РАН (Санкт-Петербург), а в Санкт-Петербургском филиале ИИЕТ РАН с 1993 г. существует Центр социолого-науковедческих исследований, руководимый до 2007 г. известным социологом науки проф. С.А. Кугелем, являющимся с 1968 г. организатором Всесоюзной конференции «Проблемы деятельности ученого и научных коллекти-

вов», а с 1994 г. организатором и руководителем Международной школы социологии науки и техники, издающего Международный ежегодник «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов», XXV выпуск которого вышел в 2009 г.

В России науковедение реально возникло в конце 20-х – начале 30-х годов XX в., а применение этого термина впервые осуществил ленинградский исследователь И.А.Боричевский в своем выступлении на объединенном заседании научного общества марксистов и психоневрологической академии 11 апреля 1926 г., предложивший тогда создать специальный науковедческий институт [Винклер, 1998, с. 6]. Как самостоятельная научная дисциплина социология науки, подменяющая в некоторых странах Запада все науковедение (термин, который в целом не был принят многими западными исследователями, возможно, потому, что он зародился в СССР), утвердилась в Европе и Америке в 1960-е годы, о чем писал один из ее основателей, английский историк науки Дж.Д. Бернал. В статье «Двадцать лет спустя», опубликованной и на русском языке в сборнике «Наука о науке», он писал: «Наука о науке или, как я ее называю в других местах, самопознание науки является великим начинанием второй половины двадцатого века» [Бернал, 1968, с. 266].

Однако, на наш взгляд, основы социологии науки, как и науковедения, *были заложены раньше других стран в Советской России и СССР в первые мирные годы после гражданской войны, в 20-е годы XX в.* В этом мы солидарны с мнением, выраженном в «Введении» к хрестоматии «У истоков формирования социологии науки (Россия и Советский Союз – первая треть XX в.)» ее составителем, немецким исследователем Розой-Луизой Винклер, доказавшей это опубликованными ею работами советских авторов. На базе исследований архивов РАН и других учреждений она утверждает: «Сейчас очевидно, что основы социологии науки закладывались именно в первой половине столетия и прежде всего в 1920-е годы. В это время почти во всех развитых странах Европы и в США возникло проблемное поле изучения социальных аспектов развития науки, что привело к появлению социологии науки» [Винклер, 1998, с. 6]. Однако этот же исследователь в указанном введении раскрывает очевидную роль именно российско-советских ученых 20–30-х годов: И.А. Боричевского, Н.И. Бухарина, С.Ф. Ольденбурга, Т.И. Райнина, Б.М. Гессена, Ю.А. Филипченко и др., в качестве пионеров становления социологии науки как нового научного направления в рамках науковедения. Вот что пишет по этому поводу в **1926 г. И.А.Боричевский в статье «Науковедение как точная наука»: «Современные теоретики тонкого знания не раз уже отмечали любопытное противоречие в развитии новой науки. С одной стороны, в той же мастерской современной науки не существует никакого объединяющего центра, никакой организации науки как целого. До сих пор ни в одной из культурных стран ... не существует ни одного учреждения, которое занималось бы изучением самой науки, как целого – теорией науки... Разрешение этого важного вопроса, большей ча-**

стью, предоставляется философам. Но философский туман, обычно поднимаемый вокруг этих «мировых вопросов», заслоняет иногда действительность... Не иначе обстоит дело и с другим важным вопросом науки. Он гласит: какое место занимает научное познание среди других видов деятельности общественного человека, какова действенная роль науки в обществе в целом? Само собой разумеется, решение этого важного вопроса невозможно без привлечения общественной науки – *социологии*. Но столь же ясно и другое: прежде чем рассуждать об общественной роли науки, необходимо уяснить, что такое сама наука, раскрыть внутреннюю ее природу» [Боричевский, 1998, с. 19]. Раскрывая в дальнейшем эту природу науки, он в конце статьи приходит к выводу: «Теперь мы имеем достаточно данных для того, чтобы ответить на вопрос, чем должна быть наука о науке – теория науки?... Самым подходящим, как нам кажется, было бы такое: теория науки или *науковедение*» [там же, с. 23].

Остается констатировать, что после 1922 г., окончания гражданской войны и образования СССР, года принудительной высылки из Советской России группы либерально мыслящей интеллигенции (в их числе П.А. Сорокин, Н.А. Бердяев и др.), классическая социология в СССР уже постепенно оттесняется. Она подменяется марксистской философией – историческим материализмом, благодаря работам и усилиям видного идеолога большевизма и партийного деятеля, крупного организатора советской науки Н.И. Бухарина, ставшего в 1929 г. (после сильного сопротивления большинства академиков) первым академиком Российской Академии наук по общественным наукам. В том же 1929 г. и, видимо, по этой же причине «вся социология в целом была признана «буржуазной наукой», а на термин «социология» был наложен запрет» [Ащеулова, 2006, с. 3]. Однако Бухарин претворил в жизнь мечту И.А. Боричевского, являясь организатором и директором созданного в 1932 г. в рамках Академии наук Института истории науки и техники. Институт просуществовал до 1938 г., года расстрела Бухарина, после инсценированного Сталиным процесса над «право-троцкистским блоком». Но его сотрудники успели оставить впечатляющие результаты, которые были долгие годы закрыты в архивах. Институт воссоздан в 1954 г. и успешно функционирует и сегодня как ИИЕТ РАН.

Тем не менее есть все основания утверждать, что именно исследования советских ученых по истории, организации и социологии науки в 20–30-х годах оказали ощутимое влияние на развитие социологии науки в Англии, Германии и США, подталкивая некоторые направления исследований. Мы имеем в виду в первую очередь тот резонанс, который имели в этих странах доклады членов советской делегации на втором международном конгрессе по истории науки в Лондоне в 1931 г., опубликованные к конгрессу в виде отдельного сборника на английском языке под названием «Наука на перепутье». В частности – доклад Б.М. Гессена «Социально-экономические корни механики Ньютона» [см.: У истоков формирования..., 1998, с. 78–115], который вызвал тогда и впоследствии, вплоть до конца 70-х годов XX в., широкий отклик и оживленные дис-

куссии среди зарубежных исследователей, как марксистов, так и немарксистов, что отметила цитированная выше Роза-Луиза Винклер: «Считается, что он послужил исходным импульсом в возникновении современных экстернатальных интерпретаций развития науки в зарубежной социологии и истории науки. Его влияние на левый круг ученых во главе с Дж. Берналом в Англии и на раннюю работу Роберта Мертона широко известно» [Винклер, 1998, с. 9–10]. Кстати, эти доклады стали широко доступными для российско-советских ученых лишь благодаря усилиям цитированного немецкого исследователя советской социологии науки этого периода [мы имеем в виду хрестоматию «У истоков формирования социологии науки (Россия и Советский Союз первая треть XX в.)», 1998 г.], поскольку, как она отмечает, «предложение ученых ГДР в 1972 г. об издании советских работ 20–30-х годов по науковедению, включая и работу Гессена, в то время не нашло поддержки со стороны Института истории естествознания и техники АН СССР (предложение находится в личном архиве автора). Американское издание готовится (Harvard University)» [там же, с. 9]. (Выражение «не нашло поддержки» – весьма вежливая формулировка для обозначения той зависимости руководителей академических учреждений от властей и идеологии, которая существовала в советское время.) До начала 80-х годов этот научный и исторический факт – наличие значительных исследований в области науковедения и социологии науки 20–30-х годов и их влияние на зарубежное науковедение – не нашел признания в СССР, а по некоторым причинам, о которых пойдет речь ниже – и в Англии и США. Что касается СССР, то это не удивительно, поскольку даже при М.С. Горбачеве не были полностью раскрыты архивы страны, академические в том числе. А отношение к Н.И. Бухарину в СССР не изменилось впредь до 1988 г., года его полной политической реабилитации. Если говорить об отношении советских властей к Н. Бухарину, вспоминается один факт из своей личной жизни: в 1980 г., когда я перешел на работу в РГГМУ (тогда ЛГМИ), мой предшественник по кафедре марксизма-ленинизма, преподаватель-женщина, была уволена по настоянию Красногвардейского РК КПСС г. Ленинграда за то, что она рекомендовала студентам ЛГМИ читать... работы Н.И. Бухарина. Отношение к нему к описанному здесь периоду развития советской науки, несмотря на так называемую «хрущевскую оттепель», на самом деле при Брежневе не изменилось. По этой причине окончательное признание вклада соотечественников пришло в СССР благодаря усилиям иностранки. Даже сейчас в Академии наук – а я могу судить об этом со знанием дела – этот вклад малоизвестен и признан скрепя сердце, хотя в 70–80-х гг. появились статьи А.П. Огурцова, М.Г. Ярошевского и др. о вкладе некоторых отмеченных ученых того периода, например Т.И. Райнова.

Таким образом, можно констатировать, что в период 20–30-х годов в СССР социология науки имела ощутимые результаты, что и проявилось на отмеченном выше Лондонском конгрессе по истории науки, который оказал реальное влияние на дальнейшее развитие как зарубежной, так и отечественной социологии науки.

логии и истории науки, на организацию российской науки во главе с Академией наук. Концентрация научных исследований в рамках Академии наук, полностью и обильно финансируемой государством, стала особенностью развития всей науки в советский период ее истории. В постсоветский период, благодаря полной публикации работ Н.И.Бухарина, стало очевидным, что он сыграл решающую роль вслед за В.И.Вернадским и С.Ф. Ольденбургом в этом процессе.

Знакомство западных ученых с работами советских исследователей науки (Бухарина, Гессена, Райнова и др.) дало импульс и англо-американской социологии науки и науковедению. Признаться в этом тогда было невозможно по многим причинам, главная из которых – преобладающее тогда отрицательное отношение к Советской России, к коммунизму в целом. Что касается Дж. Бернала, то он, как ученый, придерживающийся марксистской методологии и левых взглядов, последовательно раскрывал связь между развитием науки и социальными условиями («социальным заказом») в виде бурного развития капиталистических отношений. Его статьи по истории науки, и особенно его капитальный труд «Наука в развитии общества» (Лондон, 1952), переведенный на русский язык в 1956 г. [Бернал, 1956], подтолкнули не только американских исследователей науки, но и советских науковедов в 50–60-е годы. После упомянутого конгресса в Лондоне группа английских ученых во главе с Берналом посетила Академию наук СССР и ее институты, в том числе познакомилась с вновь созданным Институтом истории науки и техники АН в Москве. В 1939 г. появляется его статья «Социальные функции науки», которая, вместе с работами российских ученых Б. Гессена, Н. Бухарина, Т. Райнова и др., сыграла определенную роль в становлении социологии науки в США, в частности, оказала влияние на будущего лидера американской социологии науки, молодого тогда Р.К. Мертон (1910–2002). В личном письме цитированному нами немецкому автору от 11.12.1995 г. Р. Мертон сообщает, что был знаком с двумя работами Н. Бухарина в английском переводе: его учебником «Исторический материализм. Популярный учебник марксистской социологии» (1922 г.) и его докладом на Лондонском конгрессе «Теория и практика с точки зрения диалектического материализма», а также с докладом Б.М. Гессена «Социально-экономические корни механики Ньютона» и работой Т.И. Райнова в ISIS (1929) [Винклер, 1998, с. 14].

Возможно, по этой причине (из-за проявленного Мертоном интереса к советским исследованиям науки, в частности, Н.И. Бухарина, Б.М. Гессена, Т.И. Райнова) не складывались в дальнейшем его отношения со своим учителем по факультету социологии Гарвардского университета, профессором П. Сорокиным, основателем этого факультета и его деканом в течение почти трех десятилетий. В силу личных обид на советские власти или по другим причинам, П. Сорокин не воспринял формирующийся в те годы в России науковедческий подход, в то время как Р. Мертон определенно воспринял идею воздействия социальных условий на развитие науки, что отразилось позже и на направленно-

сти его работ, и на содержании сформулированных им норм этоса науки (см. его работу «Нормативная система науки» 1942 г., которая вместе с другими, более поздними его работами была объединена в объемистый труд «Социология науки» [Merton, 1973]).

Так или иначе, но в СССР вплоть до конца 80-х годов остались неосмысленными глубокие теоретические концепции, разработанные авторами этого периода. Расформирование в 1938 г. вновь созданного Института истории науки и техники АН, где работали не только историки науки разных специальностей, но и большая группа ученых науковедческого профиля, нанесло большой ущерб развитию науковедения и социологии науки и явилось одной из причин пренебрежения к науковедению и социологии науки в СССР вплоть до конца 50-х годов, когда начинается возрождение запрещенной Сталиным социологии, объявленной буржуазной наукой. Поэтому *институционализация социологии науки в СССР, развивающейся в рамках науковедения, происходила также с некоторым опозданием по сравнению со странами Запада*. Это запаздывание признания происходило также и в отношении социологии (в дооктябрьском периоде, в силу отрицательного отношения к ней царских властей). Классическая социология в России получила официальное признание (т.е. завершила свою институционализацию) лишь после 1917 г., благодаря усилиям многих ученых, в первую очередь, П. Сорокина, ставшего приват-доцентом Петроградского университета в 1918 г. и организовавшего там первый в России факультет (отделение) социологии на факультете общественных наук, откуда и был выслан Лениным и Дзержинским за границу в 1922 г. Именно с этого года начинается новый этап в развитии социологии в России: ее содержание, получившее признание во всем мире как теоретическая и эмпирическая наука, постепенно подменяется марксистско-ленинской философией, в частности – историческим материализмом, т.е. теорией. В этом процессе, как мы уже отметили, видную роль сыграл Н.И. Бухарин, его работы, поэтому его вклад в социологию науки становится весьма противоречивым, дискуссионным.

Но достижения науковедения и социологии науки в 20–30-е годы сегодня неоспоримы. Отметим некоторые имена и направления исследований. Это многоплановые работы Н.И. Бухарина, посвященные, в частности, социальному институту науки, ее организации и планированию [Бухарин, 1989]. Проблемам изучения научных кадров и учету научных сил страны были посвящены работы С.Ф. Ольденбурга, И.С. Тайцлина и И.С. Самохвалова, Ю.А. Филипченко и В.И. Вернадского [Хрестоматия, 1998, с. 19–203]. Особое место в изучении социологических проблем науки в 20–30-е годы принадлежит Т.И. Райнову, применившему статистические методы при анализе количественного роста науки и ее содержательной стороны, волнообразных колебаний творческой продуктивности в западноевропейской физике XVIII–XIX вв. (работы 1929, 1935 гг.), изучившему впервые проблему разносторонности ученого [Винклер, 1998, с. 15–16]. Именно в эти годы (1932–1935) в США декан факультета социологии Гар-

вардского университета П. Сорокин привлек молодого Р. Мертон к своей работе «Социальная и культурная динамика», поручил ему разработать темы, касающиеся науки, в которых Мертон тоже применяет количественные методы. В 1935 г. Р. Мертон опубликовал свою работу о флуктуации восприятия промышленностью научных открытий на основе изучения патентов. Но Райнов был первым, кто использовал количественные методы в изучении науки, он первый также выдвинул понятие социальной организации науки, первым исследовал влияние научной специальности на положение ученого. Об этом, однако, мы узнали спустя 50 лет, в начале 1980-х. Многие годы оставался неизвестным вклад акад. С.Г. Струмилина, выдающегося ученого экономиста, утверждавшего впервые в СССР деятельностный подход к изучению науки, изучавшего проблему определения продуктивности, творчества в науке. К чести составителя указанной хрестоматии, в ней опубликованы не только малоизвестные статьи И.А. Боричевского, С.Ф. Ольденбурга, В.И. Вернадского, К.Р. Мекрелидзе, С.Г. Струмилина, Т.И. Райнова, Б.М. Гессена, Н.И. Бухарина, И.С. Тайцлина, И.С. Самохвалова, Ю.А. Филипченко (порядок перечисления фамилий дан как у автора хрестоматии), но и подробные биографические справки, что для репрессированных ученых – второе признание их жизни.

Подводя итоги изучению и оценкам вклада отмеченных российских ученых в становление социологии науки, Р.-Л. Винклер отмечает, что наиболее важными для развития социологии науки в России и Советском Союзе теоретико-методологическими подходами в изучении науки являются: «1) институциональный подход, т.е. рассмотрение развития науки как социального института, 2) социально-структурный подход к субъекту науки, статистические методы анализа, 3) историко-социологическая ориентация, 4) социолого-демографическая направленность исследований, 5) наукометрическая ориентация, 6) тенденция использования методов и подходов социологии знания к социологии науки, 7) социально-политическая ориентация в социологии науки» [Винклер, 1998, с. 14].

Такова теоретическая, методологическая и эмпирическая база, на которую могли бы опираться возникшие «вновь» в СССР в 60-е годы социология науки и науковедение. В силу специфики тоталитарного политического режима, сформировавшегося в России в начале 20-х годов XX в., эти достижения повлияли, скорее, на развитие западноевропейской и американской социологии науки, знакомство с которой советских социологов и историков науки косвенно оказывало некоторое влияние и на содержание и направления российско-советской социологии науки в 60–80-е годы. О ее содержании речь пойдет в следующей статье.

Литература

1. *Ащеулова Н.А.* История социологии науки в Ленинграде – Санкт-Петербурге: Автореф. дис. ... канд. социолог. наук. – СПб., 2006. (Это – пока единственная работа по истории социологии в СССР, в которой упоминается вклад анализируемых авторов).
2. *Боричевский И.А.* Науковедение как точная наука. – В кн.: У истоков формирования социологии науки (Россия и Советский Союз – первая треть XX в.): Хрестоматия. – Тюмень: изд. Тюмен. госун-та, 1998, с. 19–23.

3. *Бернал Дж.Д.* Двадцать лет спустя // Наука о науке. – М.: Наука, 1968.
4. *Бернал Дж.* Наука в истории общества. – М., 1956.
5. *Бухарин Н.И.* Методология и планирование науки и техники. – М., 1989.
6. *Винклер Р.-Л.* Введение. У истоков формирования социологии науки (Россия и Советский Союз – первая треть XX в.). Хрестоматия. – Тюмень: изд. Тюмен. гос. ун-та, 1998.
7. *Лазар М.Г.* Нравственность и организационные формы российской науки // Наукovedение и организация научных исследований в России в переходный период., ч. II / Под ред. С.А. Кугеля. – СПб.: Гидрометеиздат, 2002.
8. *Лазар М.Г.* Университеты, академии и развитие науки: исторические типы взаимоотношений // Ученые записки РГГМУ, 2008, № 7.
9. *Лазар М.Г.* Вхождение России в Болонский процесс: мечты и реальность // Ученые записки РГГМУ, 2009, № 9.
10. У истоков формирования социологии науки (Россия и Советский Союз – первая треть XX в.): Хрестоматия. – Тюмень: изд. Тюмен. гос. ун-та, 1998. – 262 с.
11. *Merton R.K.* The sociology of science. Theoretical and empirical investigation. N.Y., 1973.